

СТИВЕН КИНГ

МИЗЕРИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Stephen King
MISERY

Перевод с английского *Е. Петуховой*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мизери : [роман] / Стивен Кинг ; [перевод с английского Е. Петуховой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-17-184842-2 (С.: Эксклюзивная классика)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *К. Парсаданяна*

ISBN 978-5-17-184844-6 (С.: Король на все времена)

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Писатель Пол Шелдон, прославившийся серией любовно-приключенческих романов, чудом выживает в автокатастрофе.

Вот только приходит он в сознание не в больнице, а в чужом доме, хозяйка которого немолодая одинокая медсестра Энни Уилкс. Именно она спасла его, вытащив из-под обломков и оказав первую помощь.

Однако очень скоро он понимает, что Энни далеко не та, кем кажется. Она — давняя поклонница книг Пола и вырвала его из лап смерти с целями, бесконечно далекими от гуманности и милосердия...

Читайте «Мизери» — один из лучших романов Стивена Кинга, удостоенный премии Брэма Стокера, — в новом переводе!

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, Tabitha King, and Arthur B. Greene,
Trustee, 1987

© Перевод. Е. Петухова, 2025

Школа перевода В. Баканова, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

*Стефани и Джиму Леонард, они знают за что.
О да, знают.*

богиня

Африка

Хочу выразить благодарность трем медицинским работникам, которые помогли мне с подготовкой материала для этой книги.

Вот их имена:

Расс Дорр, ассистент врача

Флоренс Дорр, медсестра

Дженет Ордуэй, врач-психиатр

Как всегда, они обратили мое внимание на детали, которые обычно остаются незамеченными. Любая грубая ошибка на моей совести.

Разумеется, препарата под названием «Новрил» не существует, но есть несколько аналогичных препаратов на основе кодеина. К сожалению, в аптеках такие препараты не всегда находятся под тщательным контролем.

Все места и персонажи в книге вымышлены.

С. К.

Часть первая ЭНИИ

Когда ты смотришь в бездну,
бездна тоже смотрит в тебя.

Фридрих Ницше

1

*ллавннная
саммая ллавннная
клонница*

Эти звуки — даже в тумане.

2

Однако порой звуки, как и боль, стихали, и оставался только туман. Он помнил темноту, непроницаемую темноту, которая предшествовала туману. Значит, ему становится лучше? Да будет свет (пусть даже туманный), и свет был хорош, и так далее и тому подобное? А звуки? Пришли из темноты? Он не мог ответить ни на один из этих вопросов. И есть ли в них толк? На этот вопрос у него тоже не было ответа.

Боль угнездилась где-то ниже звуков — к востоку от солнца и к югу от ушей. Вот и все, что он знал.

Долгое время, казавшееся вечностью (ибо вокруг не существовало ничего, кроме боли и тревожного тумана), звуки составляли для него единственную реальность. Он понятия не имел, кто он и где нахо-

дится. Да и не все ли равно? Ему хотелось умереть, но пелена боли, окутавшая разум, словно летняя грозовая туча, мешала прийти к осознанию этого факта.

Со временем он стал замечать периоды отсутствия боли, их циклический характер. Впервые с тех пор, как вынырнул из абсолютной тьмы, которая предшествовала туману, он подумал о чем-то, не связанном со своим нынешним состоянием. На ум пришла сломанная опора пирса на пляже в Ревире, куда ребенком его часто возили родители. Опора торчала из песка, словно одинокий клык погребенного монстра, и он всегда просил расстилать плед там, откуда мог ее видеть. Ему нравилось сидеть и наблюдать, как она уходит под воду во время прилива. Несколько часов спустя, когда сэндвичи и картофельный салат были съедены, в отцовском термосе не оставалось лимонада и мама вот-вот скажет, что пора домой, верхушка прогнившей сваи появлялась вновь — сначала среди набегающих волн мелькал самый кончик, а затем постепенно выступала остальная часть. К тому времени, как они с родителями выбрасывали мусор в большую урну с надписью «СОДЕРЖИТЕ ПЛЯЖ В ЧИСТОТЕ», собирали игрушки Поли

(меня зовут Поли я Поли и вечером мама смажет мою обгоревшую кожу детским маслом, пронеслось посреди грозовой тучи, в которой он теперь жил)

и сворачивали плед, опора с почерневшими скользкими боками почти полностью показывалась над водой в окружении мыльных хлопьев пены. Отец пытался объяснить ему суть прилива, однако Поли твердо знал, что главное — свая. Прилив уходит и приходит, а свая остается. Просто ее не всегда видно. Без сваи не было бы прилива.

Воспоминание сонной мухой кружилось в голове и сводило с ума. Он пытался ухватить смысл, но долгое время звуки мешали.

клонница

перррочиталла всееее

саммаяг ллавннная

Иногда звуки пресекались. Иногда пресекалось что-то в нем самом.

Его первое отчетливое воспоминание о настоящем, о времени, проведенном за пределами грозовой тучи, было связано с остановкой, с внезапным осознанием того, что он не может дышать. Вот и ладно, вот и хорошо, по правде сказать — просто замечательно; всему есть предел, даже боли, и он был рад выйти из игры.

Затем чьи-то губы прижались к его губам — сухие и твердые, они тем не менее совершенно точно принадлежали женщине; ее дыхание с силой проникло ему в горло, как мужчина мог бы проникнуть в женщину, и наполнило легкие. Когда губы отстранились, он впервые ощутил запах своей тюремщицы — отвратительную смесь ванильного печенья, шоколадного мороженого, куриной подливки и арахисового масла.

Он услышал ее голос:

— Дыши, черт возьми! Дыши, Пол!

И снова губы прижались к его губам. И в горло опять ворвалось дыхание — как поток затхлого воздуха, который устремляется за скоростным поездом метро, унося с собой газеты и конфетные фантики. Затем губы отстранились. *Господи*, подумал он, *только не выдыхай через нос!* Но, увы, ничего не мог поделать с этой вонью, с *этой проклятой ВОНЬЮ!*

— *Дыши, черт бы тебя побрал!* — взвизгнул невидимый голос.

Хорошо, мысленно ответил он, *все что угодно, только, пожалуйста, не надо меня больше травить.* Однако прежде чем он хотя бы попытался сделать вдох, губы женщины (сухие и безжизненные, как полоски соленой кожи) сомкнулись на его губах, и она вновь осквернила его своим дыханием.

Когда женщина в очередной раз отняла губы, он не просто выпустил воздух, а *вытолкнул* его и сделал мощный вдох. Затем выдох. Он ждал, что грудь начнет подниматься сама собой, без посторонней помощи, как всегда, но ничего не произошло. Тогда он сделал еще один глубокий прерывистый вдох и наконец задышал самостоятельно, изо всех сил, стараясь избавиться от запаха и послевкусия этой женщины.

Никогда обычный воздух не был таким сладостным.

Прежде чем его снова окутал туман и тускнеющий мир исчез окончательно, женский голос проборкотал:

— Уф! Еще бы чуть-чуть...

Чуть-чуть не считается, подумал он и уснул.

Ему приснилась опора, совсем как настоящая: протяни руку — и коснешься зеленовато-черной растрескавшейся поверхности.

Когда он вернулся в прежнее состояние полузабытья, то смог наконец найти связь между опорой и своей нынешней ситуацией — разгадка пришла во сне, который в действительности был воспоминанием. Боль не имела ничего общего с приливом. Ему лишь казалось, что она приходит и уходит. На самом деле боль напоминала сваю: она оставалась на месте, то появляясь, то пропадая из виду. Когда боль не тер-

зала его посреди густого каменно-серого облака, он молча благодарил ее, но не давал себя обмануть: боль таилась где-то рядом и только ждала, чтобы вернуться. Сваи (не одна, а целых две) означали боль, и на каком-то подсознательном уровне он понимал, за-долго до того, как смог постичь разумом, что разби-тые сваи — это его сломанные ноги.

Однако прошло еще много времени, прежде чем он наконец разлепил склеенные засохшей слюной губы и прохрипел: «Где я?» — обращаясь к женщи-не, которая сидела у его постели с книгой в руках. Автора книги звали Пол Шелдон, и он без удивле-ния узнал собственное имя.

— В Сайдвиндере, штат Колорадо, — сказала женщина, отвечая на вопрос. — Меня зовут Энни Уилкс, и я...

— Знаю, — перебил он. — Вы моя главная по-клонница.

— Да, — с улыбкой подтвердила она. — Все верно.

3

Тьма. Затем боль и туман. Затем осознание того, что боль, хоть и не отступает полностью, порой все же идет на компромисс, даруя облегчение.

Первое, что он отчетливо помнил: остановка и зловонное дыхание женщины, насильно вернув-шее его к жизни.

Следующее воспоминание: ее пальцы через рав-ные промежутки времени заталкивают ему в рот ка-кие-то капсулы. В отсутствие воды они просто лежа-ли на языке и таяли, оставляя после себя отврати-тельную горечь, как после аспирина. Хотелось их

выплюнуть, но он знал, что лучше не стоит, ибо за горечью наступал прилив, который накрывал сваю
(СВАИ их ДВЕ тебе ясно их ДВЕ ладно две хорошо а теперь помолчи тссс)

и заставлял их на какое-то время исчезнуть.

Вначале эти события происходили с большими интервалами. Однако по мере того как боль начала отступать — или, скорее, размываться (почти как та свая на пляже в Ревире, ибо ничто не вечно, хотя в детстве он посмеялся бы над подобной чепухой), — окружающая действительность все чаще стала напоминать о себе, и вскоре реальный мир — вместе с грузом воспоминаний, опыта и предрассудков — вернулся на круги своя. Его звали Пол Шелдон, и он писал романы двух типов: серьезные и бестселлеры. Он успел дважды жениться и развестись, слишком много курил (по крайней мере, до всей этой истории). С ним случилось что-то очень плохое, однако он выжил. Темно-серое облако быстро рассеивалось. И хотя пройдет еще какое-то время, прежде чем его главная поклонница принесет старый грохочущий «Роял» со щербатой ухмылкой и голосом Даки Дэддлса, Пол уже тогда понимал, что крупно влип.

4

Он разгадал ее каким-то внутренним чутьем еще прежде, чем увидел, и заглянул ей в душу раньше, чем смог прийти к осознанному выводу. Как иначе объяснить, что эта женщина рождала в нем столь темные, зловещие образы? Всякий раз, когда Энни входила в комнату, он думал об африканских идолах,

которым поклонялись суеверные племена в романах Генри Райдера Хаггарда, и о слепом роке.

Образ каменного идола из романов «Она» или «Копи царя Соломона», при всей абсурдности такого сравнения, как нельзя более точно подходил Энни Уилкс. Если не считать большой непривлекательной груди, обтянутой серым кардиганом, в ее крупной фигуре не было никаких женственных линий — подчеркнутого изгиба ягодиц, бедер или хотя бы икр под бесконечными шерстяными юбками, которые она носила дома (перед выходом на улицу Энни удалялась к себе в спальню и надевала джинсы). Ее массивное тело не дарило обещания плотских радостей. Скорее, оно наводило на мысли о заграждениях и баррикадах — как неприступная крепость без единого открытого участка, малейшей щелочки или отдушины.

Но прежде всего она производила тревожное ощущение *монолитности*, словно у нее отсутствовали кровеносные сосуды или внутренние органы; единая и неделимая Энни Уилкс от макушки до самых пят. В нем постепенно крепла уверенность, что ее глаза, хоть и двигаются, на самом деле нарисованы и создают лишь видимость движения, как глаза портретов, которые следят за каждым твоим шагом. Казалось, если выставить два пальца рогаткой и засунуть ей в нос, они не продвинутся и на восьмушку дюйма, встретив непреодолимую (пусть и слегка податливую) преграду; что даже серый кардиган, бесформенные юбки и выцветшие рабочие джинсы составляют неразрывное целое с ее твердым, жилистым, однородным телом. Неудивительно, что Пол видел в ней каменное божество из приключенческого романа. Подобно божеству, она внушала только одно: смутную